

ЭЛЕМЕНТЫ СЮЖЕТА И МОТИВЫ РОМАНА «ЧЕВЕНГУР» В РАССКАЗЕ ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ»

Малыгина Н. М.

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3670-4398>

Аннотация. Актуальность статьи определяется исследованием семантической поэтики рассказа Платонова «Река Потудань». На основе суждений критиков и выводов современных исследователей о рассказе выясняется необходимость нового подхода к интерпретации содержания произведения и уточнения принципов его поэтики. Новизна статьи обусловлена выявлением многослойной символики названия рассказа, позволяющей установить недостаточность выводов о том, что содержание «Реки Потудань» ограничено семейной темой. Отмечено, что образ реки на символическом уровне указывает на присутствие в подтексте рассказа образа единого человечества и мотива любви к дальнему, свидетельствующее о том, что Платонов в 1930-х гг. сохранил планетарные масштабы мышления. На уровне микропоэтики выявлены символические детали, связывающие содержание рассказа с мотивами еды и чтения, медицинским и строительным сюжетами. Впервые установлено, что рассказ Платонова «Река Потудань» написан по мотивам истории любви героев романа «Чевенгур» Александра Дванова и Сони Мандровой. Показано, что образы Любы Кузнецовой, Никиты Фирсова и его отца в рассказе «Река Потудань» созданы по мотивам образов героев романа «Чевенгур». Установлена связь образа Любы с образом-символом «невеста», возникшим в раннем творчестве Платонова, и присутствующим во многих произведениях автора. В статье впервые анализируются интертекстуальные связи героя рассказа «Река Потудань» с образом «бедного Евгения» из поэмы «Медный всадник», а героини с образом Татьяны из романа в стихах «Евгений Онегин» А. Пушкина, где писатель нашел материал для моделирования судьбы «маленького человека». В «Реке Потудань» обнаружен мотив любви к ближнему, переместившийся из раннего рассказа «Маркун». Замечено, что в прозе 1930-х гг. актуализирован образ опустевшей земли из раннего рассказа «Потомки солнца», присутствующий также в романе «Чевенгур». Многоуровневые связи содержания рассказа «Река Потудань» с художественным миром Платонова в целом открывают перспективы для нового углубленного прочтения произведения, а также для определения функций приема монтажа, принципов «возвращения» писателя к сюжетам и мотивам произведений 1920-х гг. и характера их трансформации в прозе писателя 1930-х гг.

Ключевые слова: А. Платонов; А. Пушкин; образы-символы; интертекстуальность; семантическая поэтика; рассказы Платонова 1930-х гг.; роман «Чевенгур»; роман «Счастливая Москва»; «Рассказ о многих интересных вещах»; история русской литературы XX века.

PLOT ELEMENTS AND MOTIVES OF THE NOVEL “CHEVENGUR” IN PLATONOV’S SHORT STORY “POTUDAN RIVER”

N. Mikhaylovna Malygina

Institute of World Literature Russian Academy of Science (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3670-4398>

Abstract. The relevance of the article is determined by the researcher of the semantic poetics of Platonov’s story “Potudan River”. We carry out an analytical review of the lifetime criticism and articles of modern researchers about the story, on the basis of which we formulate the purpose of the study, due to the need for a new approach to the interpretation of the work and the identification of the principles of its poetics. The novelty of the article is determined by the identification of the multilayered symbolism of the title of the story, which allows to establish the insufficiency of the conclusions that the content of the “Potudan River” is limited to the family theme. At the level of micropoetics we reveal symbolic details that connect the content of the story with the mo-

tive of love for the distant, medical and construction subjects and revealing the planetary scale of the author's thinking. For the first time, it was established that Platonov's story "Potudan River" was written based on part of the plot of the novel "Chevengur" – the love story of Alexander Dvanov and Sonya Mandrova. We show that the heroes of the story "Potudan River" Nikita Firsov, Lyuba Kuznetsova and Nikita's father are doubles of the characters in the novel "Chevengur" by Sasha Dvanov, Sonya Mandrova, and Zakhar Pavlovich. The connection of the image of Lyuba with the archetype of the bride is considered. The paper reveals for the first time the intertextual connections of the story "Potudan River" with the poem "The Bronze Horseman" and the novel in verse "Eugene Onegin" by A. Pushkin, in the texts of which the writer found material for modeling the ordinary fate of the hero. Multi-level connections of the content of the story "Potudan River" with Platonov's artistic world, which is a complete metatext, are found, which opens up new opportunities for determining the role of the editing technique and the principles of returning to the plots and motives of the works of the 1920s, as well as their transformation in the writer's work of the 1930s.

Key words: A. Platonov; A. Pushkin; intertextuality, semantic poetics; Platonov's stories of the 1930s; the novel "Chevengur"; the novel "Happy Moscow"; "A story about many interesting things"; the history of Russian literature of the XX century.

Для цитирования: Малыгина, Н. М. Элементы сюжета и мотивы романа «Чевенгур» в рассказе Платонова «Река Потудань» / Н. М. Малыгина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 44–55. – DOI: 10.51762/IFK-2021-26-01-03.

For citation: Malygina, N. M. (2021). Plot Elements And Motives of the Novel "Chevengur" in Platonov's Short Story "Potudan River". In *Philological Class*. Vol. 26. No. 1, pp. 44–55. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-01-03.

Мнения о рассказе «Река Потудань». При жизни Платонова критика высказывала две противоположные точки зрения о его сборнике «Река Потудань» [Платонов 1937]. Еще не успела выйти в свет единственная за десятилетие книга писателя, а в «Комсомольской правде» 17 октября 1937 года была напечатана разгромная рецензия о ней. Рецензенту не нравился герой Платонова – «мученик, страдалец, терпеливо наслаждающийся своей мукой <...> бедный, несчастный, источающий добро человек» [Илюшин 1937].

На восприятие книги «Река Потудань» повлияла статья А. Гурвича о рассказах Платонова, напечатанных в журналах в 1934–1936 гг. Публикация Гурвича в журнале «Красная новь», который в тот период редактировал В. Ермилов, не случайно совпала с изданием книги. Последующие события показали, что выступления критиков явились началом беспощадной травли Платонова, организованной А. Фадеевым и продолжавшейся до 1941 г. Целью Гурвича было уничтожение надежды Платонова на успех книги «Река Потудань». Писателю была жизненно необходима общественная реабилитация после скандала 1931 года и замалчивания его имени в 1931–1934 гг. [Малыгина 2005: 78].

Гурвич был предвзято настроен, в соответствии с полученным заказом он должен

был доказать, что новые рассказы Платонова «Такыр», «Бессмертие», «Третий сын», «Фро», «Нужная родина» («Глиняный дом в уездном саду»), «Семен» ничем не отличаются от опроченных произведений «Усомнившийся Макарь» и «Впрок», ставших поводом для громких политических скандалов, спровоцированных возмущением Сталина. Гурвич утверждал, что никаких изменений в мировоззрении и творчестве Платонова не произошло, но объяснять причины сходства произведений писателя разных лет, а тем более устанавливать их различия, не входило в его задачу.

Гурвич ошибался, считая, что нашел деталь, подтверждающую родство героя рассказа «Бессмертие» Эммануила Левина с Сашей Двановым из повести «Происхождение мастера»: «Разве не его котомку несет в своих руках Левин, как знамя жертвенности и самоотречения?... Вместе с котомкой Дванов передал Левину все свои чувства и мысли» [Гурвич 1994: 384]. На самом деле котомку герой Платонова унаследовал у горьковского Луки.

Главный упрек Гурвича состоял в том, что герои Платонова середины 1930-х гг. жертвуют личным счастьем ради служения делу строительства социализма, а писатель демонстрирует их страдания: «Человек с ущемленной душой, нужный всем и ненужный само-

му себе <...> – постоянный герой Платонова» [Гурвич 1994: 384].

Современники Платонова прекрасно знали, какое огромное число людей в советском обществе 1930-х гг. испытывало ужасающие страдания, отправляясь на Дальний восток и Крайний север, далеко не всегда добровольно.

Рассказ «Река Потудань» не попал в поле зрения критика, а именно в нем Платонов создал образ современника, смыслом жизни которого были любовь и семья.

Издание книги «Река Потудань» стало возможно в результате успеха рассказа Платонова «Бессмертие», который одобрил руководитель Союза писателей В. Ставский в докладе на собрании московских писателей, посвященном борьбе с формализмом [Ставский 1936: 4]. Вслед за ним критик В. Александров в статье «Частная жизнь» назвал рассказ «Бессмертие» главным достижением писателя, находя его актуальность в том, что герой Платонова не замыкается на своей частной жизни [Александров 1937: 81].

Редколлегия журнала «Литературный критик» с 1936 г. боролась за право Платонова работать в советской литературе. В 1938 г. Е. Ф. Усиевич опубликовала рецензию на книгу статей Гурвича и обвинила критика в том, что он использовал гуманизм писателя как повод для «издевательств и оскорблений» [Усиевич 1938: 172]. Усиевич объяснила причину негативного настроения Гурвича тем, что для него «колорит... Андрея Платонова слишком мрачен» [Усиевич 1938: 172]. Усиевич утверждала право советской литературы на трагическое содержание: «Наиболее талантливым среди писателей, не удовлетворяющихся одними лишь гуманистическими обобщениями, а ищущих жизненных, конкретных и трудных, часто трагических форм развития, является у нас Андрей Платонов» [Усиевич 1938: 171].

Вслед за критиками, поверившими, что Платонов в середине 1930-х гг. совершил поворот от целостных масштабов к частным Макарам, исследователи конца XX – начала XXI вв. соглашались, что творческий метод Платонова в это время кардинально изменился: «Вместо хронотопа строительного сюжета, определяющего место и роль действующих персонажей, возникает хронотоп семейной,

личной жизни. Широкие масштабы „большого мира“ общественного строения заменяются ограниченным, обозримым пространством семьи или жизни одного человека» [Пюнтер 2000: 305].

Но отказался ли Платонов в середине 1930-х гг. от содержания и поэтики своего творчества 1920-х гг.?

Инструментарий современного литературоведения открыл новые возможности для исследования семантической поэтики Платонова и позволил установить, что в определенной степени ошибались и те, и другие. В основе статьи лежит метод контекстуального анализа, дополненный мотивным анализом. Мы опираемся на исследования М. М. Бахтина, подробно рассмотренные в монографии К. С. Когута и Н. П. Хрящевой [Когут, Хрящева 2018: 8], трактующего контекст как семантическое поле внетекстовых связей произведения, составляющих «диалогизирующий фон его восприятия» [Бахтин 2002: 429].

Кроме того, мы учитываем широкое толкование мотива, предложенное Б. М. Гаспаровым: «...в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое „пятно“ – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.» [Гаспаров 1993: 30].

Как справедливо замечено в монографии К. С. Когута и Н. П. Хрящевой, «именно мотив является „инструментом“ контекстуального анализа». Толкование мотива «...как любого смыслового „пятна“ в произведении, в сущности, учитывает его важнейшие свойства: повторяемость и включенность в систему повествования» [Когут, Хрящева 2018: 18].

Воспринимая рассказы сборника «Река Потудань» как «оригинальное – платоновское – художественное целое» [Ванюков 2003: 572], А. Ванюков заметил, что содержание рассказа «Река Потудань» связано с проблематикой всех включенных в сборник вещей Платонова. Это означало, что в «Реке Потудань» имплицитно были представлены элементы сюжетов любви к дальним людям, развернутых в рассказах «Бессмертие» и «Фро». Однако автор современной интерпретации «Реки Потудань» не учитывал, что не только тексты сборника, а весь художественный мир Платонова представляет собою единый целостный

текст, где все произведения связаны между собой, а потому в рассказе имплицитно присутствуют многие образы, мотивы и детали творчества писателя в целом [Малыгина 1977: 164; Малыгина 1994: 192].

В. Скобелев рассмотрел поэтику рассказа «Река Потудань», исходя из представления о том, что в советской литературе 1930-х гг. стала исчезать тема домашнего очага, семьи, частной судьбы человека. Исследователь заметил романтический характер сюжета рассказа «Река Потудань» [Скобелев 2003: 626]. Он уделил особое внимание образу отца Никиты и напомнил, что главной идеей философии писателя и в 1930-е гг. оставалась «воскрешающая любовь к мертвым», тем самым Скобелев давал понять: в творчестве писателя 1930-х гг. сохранились образы и темы 1920-х гг.

Можно предположить, что Платонов решил в 1937 году опубликовать произведение, созданное по мотивам романа, потому что к этому времени окончательно потерял надежду на издание «Чевенгура», хотя в конце 1920-х гг. возможность напечатать роман была вполне реальной.

Прижизненная критика и современные исследователи не заметили того, что в рассказе «Река Потудань» автор использовал элементы сюжета романа «Чевенгур».

Символика названия рассказа «Река Потудань». Рассказ «Река Потудань» повествует о том, как складывалась в мирное время судьба молодого человека Никиты Фирсова, вернувшегося с Гражданской войны. Платонов моделирует жизненный путь своего героя, следуя собственной догадке о том, что можно быть счастливым, если жить обыкновенно. Однако и на этом пути героя рассказа постигла личная катастрофа, которая едва не привела его к самоубийству и заставила опуститься на самое дно общества.

Символика образа реки Потудань, которая «таилась подо льдом», на поверхностном семантическом плане определяет этап отношений Никиты и Любы. Они приняли совместное решение вступить в брак после того, как Люба закончит учебу в медицинской академии.

Зимой Никита и Люба ходят к реке и наблюдают течение воды подо льдом, чтобы

убедиться, что река жива и весной вырвется на свободу. Тогда и они откажутся от обета целомудрия и дадут волю своим чувствам.

Одновременно образ текущей подо льдом реки символизирует принадлежность Никиты и Любы к единому человечеству. Глядя на воду, они думают, что река течет к морю, «мимо берегов далеких стран, в которых сейчас растут цветы и поют птицы» [Платонов 2010: 441]. Мысль героев рассказа напоминает о постоянном в творчестве Платонова мотиве любви к дальнему, вызывает ассоциации с образом единого человечества, присутствующим в рассказах «Фро» и «Бессмертие».

Кроме того автор замечает, что Никита и Люба считают реку счастливой, а это выдаст их тайные мечты о свободе. Они завидуют реке, потому что она видит дальние страны. Следовательно, помыслы героев не ограничены стремлением к личному счастью.

Образ реки вносит в рассказ «Река Потудань» мотив любви к дальнему, объединяющий все рассказы сборника и связывающий их с романом «Счастливая Москва». Образ погробенной подо льдом реки Потудань вызывает ассоциации с «высшим образом» человека. Подобно реке, покрытой льдом, в современном человеке глубоко скрыт его будущий образ. В романе «Счастливая Москва» Платонов наметил перспективу преображения «старого природного человека»: «...Человек еще самодельное, немощно устроенное существо – не более как смутный зародыш и проект чего-то более действительного, и сколько надо работать, чтобы развернуть из этого зародыша *летающий, высший образ, погробенный в нашей мечте...*» [Платонов 2010: 36] (Курсив мой. – Н. М.).

Создавая в романе «Счастливая Москва» образ будущего, когда «человек будет крылатым, а земля останется в наследство животным», Платонов возвращался к созданной в раннем рассказе «Потомки солнца» картине опустевшего земного шара, с которого люди разлетелись по другим планетам.

Современники увидели черты идеала «высшего» человека в образе Эммануила Левина из рассказа «Бессмертие». Рассказ и его героя высоко оценили В. Ставский, Г. Лукач. Гурвич воспринял аскетизм и самопожертвование Левина как приметы образа христи-

анского подвижника. Для самого Платонова его герой был человеком несовершенным и негармоничным, принадлежавшем уходящему миру, но в нем сохранилась живая душа, одухотворяющая дело, которому он служит.

В рассказе «Бессмертие» Платонов показал, что человек нового общества не должен ограничивать свою жизнь семейным кругом: «Наслаждение же одним любимым существом само по себе ничто, если оно не служит делу ощущения и понимания тех многих существ, которые скрыты за этим единственным человеком...» [Платонов 2010: 81].

Подобно герою «Бессмертия» герой рассказа «Фро» – муж молодой женщины Фроси Евстафьевой, решил пожертвовать их счастьем ради будущего человечества.

Гурвич считал, что лишая героев этих рассказов семьи и личной жизни, Платонов делает их ущербными. Рассказ «Река Потудань» автор посвятил героям, для которых личное счастье было смыслом жизни.

Платонов моделирует для Никиты Фирсова жизненный путь, открывающий перспективы творчества в сфере, доступной маленькому человеку, отстраненному от исторической работы. Материал для сюжета рассказа «Река Потудань» Платонов нашел в поэме Пушкина «Медный всадник». Об открытой Пушкиным возможности творчества «в области, доступной каждому бедняку, но недоступной сверхчеловеку: в любви к другому человеку» Платонов писал в статье «Пушкин – наш товарищ», напечатанной в первом номере журнала «Литературный критик» за 1937 год [Платонов 2011: 75].

Гурвич отметил статью Платонова о Пушкине, но воспринял ее изолированно от его прозы, не уловил связи между статьей и написанными с нею одновременно рассказами писателя.

Между тем, интертекстуальные связи рассказа с наследием Пушкина многократно увеличили семантическую насыщенность «Реки Потудань». Выявление интертекстуальных связей рассказа и их взаимодействия с другими элементами его поэтики позволяют обнаружить сюжет борьбы за бессмертие, скрытый в подтексте «Реки Потудань».

Герой рассказа «Река Потудань», события, происходящие в рассказе «Река Потудань»,

связаны с конкретным историческим временем: с окончанием Гражданской войны, т. е. относятся к началу 1920-х гг. В «Реке Потудань» автор использовал элементы сюжета судьбы вернувшегося с войны главного героя «Чевенгура» и его отношений с соседской девочкой Соней Мандровой, но элементы чевенгурского сюжета существенно трансформированы в рассказе.

Никита Фирсов, как Саша Дванов, пешком преодолевает долгий путь к дому одинокого отца. У Никиты отец родной, у Саши – приемный; у отца Никиты два сына «исчезли на империалистической войне» [Платонов 2010: 427], Захар Павлович, усыновивший Сашу, был бездетным.

Никита помнил знакомую девушку Любу и «на другой день после возвращения» [Платонов 2010: 429] отправился к ее дому, надеясь на встречу с ней. Его отношение к Любе было бережным и бескорыстным. Никита живет по принципу «любви к ближнему», который был сформулирован в раннем рассказе Платонова «Маркун»: «...служить каждому человеку <...> быть ниже и хуже каждого человека <...> и наполнил свою жизнь стыдливою жертвой и трудом для него» [Платонов 2009: 248–249]. Отношение Никиты Фирсова к Любе определяется мотивом целомудрия, он заботится о девушке, ничего не требуя взамен и терпеливо ожидая, когда она закончит учебу. Служение Никиты объясняется тем, что он помогает Любе достигнуть высшей цели, получить образование.

Атмосферу рассказа «Река Потудань» определяет мотив голода, который был сквозным в романе «Чевенгура». Для героев Платонова главным проявлением любви к близкому человеку является забота о его питании, означавшая спасение от голода. Все время, пока Люба училась, Никита приносил ей еду, часто отдавал свой обед из рабочей столовой, а сам оставался голодным.

В повествование об отношениях Любы и Никиты включены детали из романа «Чевенгур». В романе Дванов «...вспомнил про сундук, в котором вез булки для Сони; в том сундуке была масса сытных булок» (Курсив мой. – Н. М.) [Платонов 2009: 146].

В рассказе Никита тоже принес Любе «...откуда-то две белых булки» (Курсив мой. –

Н. М.) [Платонов 2010: 436]. Ожидая Любу у ворот ее дома, «...белые булки он положил себе за пазуху и согрел их там» [Платонов 2010: 436].

Никита был потрясен тем, что в день их бракосочетания Люба приготовила для него «вкусную, разнообразную пищу»: «Он не помнил, чтобы когда-нибудь его угощали почти задаром, ему не приходилось посещать людей для своего удовольствия и еще вдобавок надеяться у них» [Платонов 2010: 443].

Герой рассказа «Река Потудань» принадлежал к тому типу героев Платонова, о которых рассказала С. С. Виноградская¹ на вечере 1962 г., посвященном Платонову. Она работала с Платоновым в годы Великой Отечественной войны на радио, где был прочитан рассказ «Одухотворенные люди». Мемуаристка выделила в финале рассказа фразу о его героях: «...такие люди долго не живут, но свет от них долго держится на земле». Виноградская вспоминала: «...у меня было ощущение, что он сам принадлежит к таким людям» (сам Платонов – Н. М.) [Алейников 2020: 92].

В образ Никиты Платонов включил детали собственной биографии. Он кратко сообщил о том, что в годы войны Никита не только воевал, но и работал: рыл колодцы, сажал кустарник в вершинах действующих оврагов [Платонов 2010: 434]. В единственную фразу писатель уместил напоминание о годах его работы в воронежском Губернском земельном управлении: в конце 1921 г. Платонов создал проект гидрофикации Воронежской губернии; в 1922 г. возглавил комиссию гидрофикации, а в 1924 г. был назначен губернским мелиоратором и проводил общественные мелиоративные работы; он рыл колодцы, руководил сооружением плотин и прудов, одновременно занимался электрификацией сельского хозяйства, строил сельские электростанции.

В рассказе приведены подробности, указывающие на социальное неравенство Никиты и Любы. Никита вырос в бедной семье, где не было мебели, посуды, хорошей еды, поэтому его отец стыдился позвать к себе в гости мать Любы, когда она была его «приблизительной невестой» [Платонов 2010: 442]. Мать Любы работала учительницей, дома

у них стояла мебель, которая казалась Никите и его отцу красивой и богатой: пианино, шкаф для одежды «по всему фасау резьба и выборка», кресла из красного бархата [Платонов 2010: 429].

В описании учительской квартиры можно уловить автобиографические детали. После того как Андрей Платонов женился на Марии Кашинцевой, молодые переехали к родителям девушки. В воспоминаниях младшего брата писателя Семена Климентова выделены те же автобиографические подробности, которые приведены в рассказе: «Когда Андрей женился, жил с нами, а потом переехал к жене на ул. 9 января, дом 25, квартира на втором этаже, вход с улицы. Квартира состояла из трех комнат и кухни. Дом и сейчас стоит, я был и подходил к нему, вспоминал детство и хорошего брата... Там жила семья Кашинцевых... отец, мать, два брата и сестра. Я бывал у брата Андрея. Они жили в последней комнате, пройдя столовую, мебели было много и довольно хорошая» [Свительский 1999: 193].

Андрей Платонов на первых порах чувствовал разницу уровня образования со своей невестой Марией Кашинцевой, закончившей гимназию в Петербурге и два курса Воронежского университета. Андрей получил образование, предназначенное для низших слоев народа: церковно-приходскую школу и городское училище. В 1918 году Платонов поступил в университет, но не хватало подготовки, необходимой для учебы в вузе, не было и материальной возможности получить высшее образование. В 1921 г. он закончил техникум и получил специальность электротехника.

В рассказе «Река Потудань» актуализировались эти давние переживания автора.

Образ-символ Невеста. Образ Любы в рассказе «Река Потудань» связан с образом-символом невесты, впервые выявленном в «Рассказе о многих интересных вещах» [Малыгина 1977: 164; Малыгина 1994: 192]. В портрете девушки присутствуют символические детали, указывающие на ее принадлежность к архетипу Невесты: «Кисейное бледное платье» похоже на платье невесты [Платонов 2010: 431].

¹ Виноградская Софья Селимовна (1902–1964) – прозаик, мемуаристка.

Эта символическая деталь образа Невесты становится знаковой в рассказе «Девушка Роза», где бездомную, искалеченную фашистами девушку прячет женщина и наряжает как невесту в свое старое свадебное платье и башмаки. Здесь образ Невесты приобретает черты «волшебного существа», поскольку жизнь героини оказалась неподвластной злой воле фашистов.

Для автора и его героя Люба наделена приметами высшего существа. Девушка играет на пианино: Никита, придя к дому Любы, ждал, что там заиграет музыка. Автор замечает одухотворенность героини «Ее чистые глаза, наполненные тайною душой» [Платонов 2010: 431].

Образ-символ Невесты является сквозным в творчестве писателя и имеет реальную основу. Прототипом героини писателя, связанных с архетипом Невесты, была Мария Кашинцева, с которой Платонов познакомился в 1921 г.

В 1921 г. Платонов писал Маше: «Звезда и песня моя, судьба и невеста моя. Как много во мне для тебя не родившихся еще нежных голубых слов и песен. Но я заставлю о тебе петь не слова, а всю вселенную» [Архив 2009: 438]. Письма Платонова 1921 г. смущали Марию пылкостью признаний. На обороте письма Платонова сохранился ее ответ: «Ваше чувство не ко мне, а к кому-то другому. Вы же меня совсем не можете любить, потому что я не такая какою вы идеализируете, и еще – Вы меня любите тогда, ...когда обстановка развивает ваши романтические инстинкты» [Архив 2009: 442].

Мария Кашинцева была прототипом образа Каспийской Невесты в «Рассказе о многих интересных вещах». Публикация повести в газете сопровождалась портретом героини – рисунком по фотографии Марии Кашинцевой. В «Рассказе...» рисунку соответствовал ее словесный портрет: «Глаза смородиновые и пугливые, как будто кто размахнулся над ними» [Платонов 2009: 366].

В творчестве писателя архетип Невесты был воплощен в образах Марии Кирпичниковой («Эфирный тракт»), Марии Нарышкиной («Песчаная учительница»), Софьи Александровны («Строители страны»), Сони Мандровой («Чевенгур»).

Героиня рассказа «Река Потудань» Люба Кузнецова во многом близка Соне Мандровой

и Софье Александровне Крашениной – героине повести «Строители страны», текст которой был включен в роман «Чевенгур» в качестве центрального фрагмента.

В описание судьбы Сони Мандровой автор включил события из жизни М. А. Кашинцевой в то время, когда она была его невестой. Мария в 1922 году работала учительницей в деревне Верхнее Волошино, где ее навещал Платонов.

В отличие от Сони учительницей Люба не была.

Мотивы болезни, смерти. История любви Никиты и Любы в рассказе «Река Потудань» прерывается мотивом болезни и смерти, напоминая о том, что счастье людей постоянно находится под угрозой. Платонов показал, что даже молодых людей подстерегает опасность смерти. В рассказе умерла от тифа девушка Женя – подруга Любы, заболел тифом Никита. В болезни Никиты, описании его тифозного бреда передан личный опыт автора. Платонов болел тифом, его вылечила мать: парила в русской печи.

Никита выжил, благодаря самоотверженности Любы, которая выхаживала его, не боясь заразиться. Она забрала Никиту к себе, согревала собственным телом, и он поправился через три недели. Доминантой образа Любы Кузнецовой становится мотив, который Платонов считал главным в образе пушкинской Татьяны: она «находит силу своего счастья и спасения <...> в естественной тайне своего человеческого сердца, в женственном чувстве, которое верно бережет другого человека и до сих пор хранит и сохранило целое неистовое человечество» [Платонов 2011: 77]. Так Люба спасла Никиту.

В рассказе трансформируется история болезни Саши Дванова. Герой романа «Чевенгур» болел возвратным тифом восемь месяцев. Захар Павлович потерял надежду на его выздоровление и «...сделал приемному сыну гроб – прочный, прекрасный...» [Платонов 2009: 106].

В рассказе появились новые детали: Никита бесплатно сделал гроб для Жени. Эта деталь включает в рассказ элемент строительного сюжета: Никита поступил на работу в мастерскую крестьянской мебели, где работал

его отец, он делал парты для сельской школы и мебель для будущих детей.

Отец в подарок сыну на свадьбу сделал шкаф, взамен того, который до войны стоял в квартире невесты Никиты, но был утрачен в годы войны и разрухи.

Смерть девушки Жени, угроза смерти Никиты в рассказе «Река Потудань» напоминают о несбывшихся надеждах автора на то, что после революции все силы будут направлены на борьбу за оздоровление людей и продление их жизни. Нельзя отгородиться от мира, спрятаться в своей семье, т. к. смерть, болезни, голод могут настичь каждого человека, пока эти проблемы не решены в масштабах единого человечества.

В тот момент, когда могла осуществиться мечта Никиты о любви и семейном счастье, обнаружилось, что он только внешне казался уцелевшим: на вопрос отца он ответил, что не был ранен на Гражданской войне. Но психологические травмы, полученные Никитой на войне, истощение от голода и тяжелой работы, подорвали его здоровье.

Платонов пытался раскрыть причину, по которой Никита не мог принять дар любви, который казался ему незаслуженным: «Он <...>думал о непонятной тайне: почему Люба улыбается ему и любит его неизвестно за что. <...> Никита поднялся и робко обнял ее, боясь повредить что-нибудь в этом особом нежном теле» [Платонов 2010: 443]. Для героя рассказа стало открытием, что «оказывается надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья, у него вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде» [Платонов 2010: 442]. Герой рассказа был человеком деликатным, привыкшим к самопожертвованию, и не мог себя изменить.

В центральном эпизоде рассказа скупыми средствами передан трагический перелом в судьбе Никиты и Любы. Убедившись в том, что он не может сделать Любу счастливой, Никита думает о самоубийстве. Он готов повторить поступок Дванова и его отца.

Мотив погружения на дно. В «Реке Потудань» воспроизведен чевенгурский мотив погружения героя на дно озера Мутево. В финале романа Дванов уходил в смерть вслед

за отцом, потому что потерял надежду на способность чевенгурского коммунизма устроить для людей жизнь вечную, обеспечить им бессмертие и воскрешение умерших.

Попытку самоубийства совершила Люба, она решила утопиться, но ее поступок лишен того мифологического содержания, которым наполнен уход героев «Чевенгура». Для них погружение в воду означало переход в иное измерение, возвращение в состояние «вещества существования», из которого можно при благоприятных обстоятельствах воскреснуть для новой жизни.

В контексте финала чевенгурского сюжета расшифровывается решение героя рассказа опуститься на дно общества. Существование Никиты на базаре является вариацией финала «Чевенгура». Никита выпадает из нормальной жизни подобно тому, как Александр Дванов погружается в воды озера Мутево. Эти мотивы восходят к мифу об умирающем и воскресающем герое, в котором заключена символика нисхождения в нижний мир с последующим освобождением и воскрешением.

Эпизод исчезновения Никиты передан в рассказе с использованием приемов тайнописи. Знаковым является упоминание о том, что сторож, на которого Никита работал за питание остатками пищи, мог бы уже называться «надзирателем». Исполнение Никитой самой грязной работы напоминает условия жизни людей в заключении, в тюрьме или в лагере.

Образ одинокого отца. В «Реке Потудань» продолжен мотив из романа «Чевенгур»: «...что нам делать в будущем коммунизме с отцами и матерями?» [Платонов 2009: 238], который переместился во фрагмент ранней редакции «Чевенгура» из текста «Строители страны»: «Дома Дванов обнял мать и понял, что его любовь к ней уменьшается, а ее увеличивается. Что нам делать в будущем с матерями? <...> Дванов считал, что надо к матери <...> идти не прямым путем верной преданности и вечных воспоминаний а обходным – через коммунизм и победу над природой» (Рукопись «Чевенгура», РО ИРЛИ, Ф. 780, ед. хр. 34. Л. 156–156 об.) [Платонов 2009: 238].

В рассказе «Река Потудань» отец Никиты похож на Захара Павловича из «Чевенгу-

ра», оба старика одиноки. Понимая, что сын собрался жениться, а ему придется остаться одному, отец Никиты чувствует несправедливость устройства жизни. Он придумал способ борьбы с одиночеством: «Придется... взять к себе хоть побирушку с улицы – не для семейной жизни, а чтоб... было второе существо в жилище: пусть оно мешает жить и вносит нечистоту, но без него перестанешь быть человеком» [Платонов 2010: 442]. Его замысел вызывает ассоциации с текстом «Чевенгура», где решили населить опустевший город Чевенгур нищими бродягами и взять в жены нищенок. Образ нищенки связан с мотивом нищих бродяг, который присутствовал в «Рассказе о многих интересных вещах» и на основе которого возник образ прочих в «Чевенгуре».

В судьбе своего единственного оставшегося в живых сына отец дважды играет роль спасителя его любви и жизни. В первый раз, когда отец узнал, что Люба закончила учебу, он прошел 20 верст за сыном, который отправился на заработки, чтобы заполнить томительное время ожидания свадьбы с Любой. Отец спешил сообщить Никите, что ему пора возвращаться к невесте, а сам остался доделать за него школьные парты.

Второй раз отец случайно встретил исчезнувшего сына на базаре и вернул его к жизни сообщением о том, что Люба его помнит и тоскует о нем.

Мотивы исцеления и бессмертия. В середине 1930-х гг. Платонов не отказался от мечты о бессмертии людей, от надежды на обновление жизни. «Воскрешающая любовь к смертным», о которой упоминал В. Скобелев в финале статьи о рассказах писателя, не была для Платонова красивой метафорой.

О постоянстве идеалов Платонова в рассказе «Река Потудань» напоминает важная подробность: Люба Кузнецова учится в медицинской академии и читает медицинские книги. Символическая деталь: чтение медицинских книг при свете печки, – вносит в рассказ мотив чтения, который, по наблюдениям Н. П. Хрящевой, играет важную роль в романе «Чевенгур» [Хрящева 2014: 349–350].

Автор акцентировал внимание на том, что в доме, где живет Люба, нет электричества.

Но включая в рассказ мотив света, автор вселил надежду на преодоление смерти и возможность воскрешения.

В. Боков на вечере, посвященном писателю в Центральном доме литераторов 27 апреля 1962 г., рассказал, что 7 февраля 1947 года получил от Платонова открытку (в 1962 году Боков не мог сообщить, что тогда находился в заключении, и Платонов писал ему в лагерь), где писатель признавался: «...во мне есть, как во всяком человеке, что-то неподвижно постоянное, просто счастливое и юное, это во мне живет...» (Курсив мой. – Н. М.) [Алейников 2020: 90]. О том, что в середине 1930-х гг. таким «неподвижно постоянным» оставался для Платонова проект «поисков долговечности и бессмертия», свидетельствует его присутствие в романе «Счастливая Москва».

В «Счастливой Москве» строился Институт Экспериментальной Медицины, который был в столице главной стройкой социализма. В пятой главе романа шла речь об экспериментах хирурга Самбикина, его изобретении «элексира жизни» и надежде лечить людей с помощью электричества.

Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) реально работал в Москве 1930-х годов. Его работа активизировалась в 1933 г. по инициативе вернувшегося из-за границы Горького: «Теперь достоверно известно, что идея создания ВИЭМ родилась у Горького под влиянием книги английского философа Бертрانا Рассела „Научное предвидение“» [Ваксберг 1999: 287].

У Платонова проект подобного института описан в «Рассказе о многих интересных вещах», герой которого попадал в Институт Антропотехники, где «электричество победило смерть» [Платонов 2004: 266]. Работавший там ученый объяснял: «У меня тут две мастерские – одна Прочной Плоти, а другая Бессмертной. Прочная Плоть в человеке делается целомудрием, освобожденная же половая сила превращается в таком человеке в талант изобретений.

<...> А бессмертная плоть уже делается из прочной целомудренной плоти посредством электричества» [Платонов 2004: 267].

Образ Института Антропотехники имел реальный прототип: Платонов знал об экспериментах по лечению людей воздействием

электричества, которые в 1920-е гг. проводил в своей лаборатории ученый А. Л. Чижевский [Малыгина 1981: 55–56].

В момент личной катастрофы Никиты особенно остро была ощутима необходимость восстановления его организма в мастерской Прочной Плоты, где электросфера могла оказать на него целительное воздействие.

Барьер между Никитой и Любой, который герой рассказа не может преодолеть, связан с той жизненной программой, которая была выражена в тексте повести Платонова «Строители страны»: «Дванов и Гратов решили отомстить природе за смерть детей и осуществить нежную мечту о вечной памяти. Друзья были молоды и гневны: *победа революции обнадежила их на более могучие дела*. Дванов говорил: мы никогда не полюбим одну женщину, не будем долго спать по ночам – пойдем походом против вселенной: после революции осталась война с природой; мы будем работать непрерывно, как кружатся атомы, мы теперь вооруженная любовь и умная жальность; мы теперь знаем, что мир – это нелепая катастрофа, – надо спасти его для него самого и для нас» (Курсив мой. – Н. М.) [Платонов 2009: 238].

Для героя рассказа «Река Потудань» отказ от целомудренных отношений с любимой девушкой означал расставание с надеждой на бессмертие. В «Реке Потудань» сюжет борьбы со смертью погружен в подтекст произве-

дения, подобно тому, как скрыта подо льдом река Потудань. Под верхним семантическим слоем рассказа было спрятано содержание, составлявшее главную тему романа «Чевенгур».

О том, что Платонов в середине 1930-х гг. продолжал мечтать о преодолении смерти, свидетельствует образ занебесной страны бессмертия в романе «Счастливая Москва», над которым автор продолжал работать незадолго до написания рассказа «Река Потудань».

Прижизненная критика творчества Платонова, а вслед за ней отечественное литературоведение считали, что писатель в середине 1930-х гг. переключился на реалистическую семейную проблематику. Действительно, рассказ «Река Потудань» написан в совершенно новой манере, чем проза 1920-х гг. Но в то же время в рассказе Платонова в редуцированной форме сохранились мотивы и сюжеты «Чевенгура» и прозы 1920-х гг.

Только осознание того, что рассказ «Река Потудань» является фрагментом художественного мира писателя, представляющего целостный текст, позволяет раскрыть его содержание. Автор рассказа «Река Потудань» использовал прием монтажа фрагментов и элементов сюжетов произведений 1920-х гг., но существенно их переработал и обогатил осмыслением эпохи 1930-х гг. Потрясает психологизм рассказа, повествующего о глубоких переживаниях Никиты Фирсова, его отца и невесты.

Литература

- Алейников, О. Ю. Первый вечер в Центральном доме литераторов, посвященный памяти Андрея Платонова / О. Ю. Алейников // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5.
- Александров, В. Частная жизнь / А. Александров // Литературный критик. – 1937. – № 3. – С. 55–81.
- Архив А. П. Платонова. Кн. 1 / отв. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2009.
- Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. – С. 429.
- Ваксберг, А. Гибель Буревестника / А. Ваксберг. – М. : Терра Спорт, 1999.
- Ванюков, А. Сборник рассказов «Река Потудань» как эпическое целое / А. Ванюков // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5 / редактор-составитель Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – С. 572.
- Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. – М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
- Гурвич, А. Андрей Платонов / А. Гурвич // Красная новь. – 1937. – № 10; цит. по изданию: Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии / сост. и прим. Н. В. Корниенко, Е. Д. Шубина. – М. : Современный писатель, 1994. – С. 384.
- Гюнтер, Х. Любовь к дальнему и любовь к ближнему: Постутопические рассказы Платонова второй половины 1930-х гг. / Х. Гюнтер // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. / редактор-составитель Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2000.
- Илюшин, Б. Порочная философия / Б. Илюшин // Комсомольская правда. – 1937. – 17 сентября.

¹ В этой статье впервые доказано знакомство Платонова с открытиями А. Л. Чижевского.

Когут, К. С. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – начала 1950-х годов: межтекстовый диалог / К. С. Когут, Н. П. Хрящева. – СПб. : Нестор-История, 2018.

Малыгина, Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения» / Н. М. Малыгина. – М. : ТЕИС, 2005. – С. 70–94.

Малыгина, Н. М. Естественнонаучные источники представлений о природе Андрея Платонова / Н. М. Малыгина // Человек и природа в художественной прозе : межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 1981. – С. 49–64.

Малыгина, Н. М. Идеино-эстетические искания А. Платонова в начале 20-х годов («Рассказ о многих интересных вещах») / Н. М. Малыгина // Русская литература. – 1977. – № 4. – С. 158–164; Малыгина, Н. М. «Рассказ о многих интересных вещах» в контексте творчества А. Платонова / Н. М. Малыгина // Андрей Платонов. Мир творчества. – М., 1994. – С. 180–192.

Платонов, А. Река Потудань / А. Платонов. – М. : Советский писатель, 1937. – 170 с.

Платонов, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1: Усомнившийся Макар. Рассказы 1920-х годов. Стихотворения / А. Платонов. – М. : Время, 2009.

Платонов, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4: Счастливая Москва. Очерки и рассказы 1930-х годов / А. Платонов. – М. : Время, 2010.

Платонов, А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8: Фабрика литературы. Литературная критика, публицистика / А. Платонов. – М. : Время, 2011.

Платонов, А. Сочинения. Т. 1. Кн. 1: Рассказы. Стихотворения / А. Платонов ; гл. ред. Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2004.

Свительский, В. А. Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова / В. А. Свительский // Филологические записки. – Воронеж, 1999.

Скобелев, В. «Воскрешающая любовь к мертвым» (от «Фро» к «Реке Потудань» и «Возвращению»: из наблюдений над поэтикой новеллы) / В. Скобелев // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5 / редактор-составитель Н. В. Корниенко. – М. : ИМЛИ РАН, 2003.

Соловьев, В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. 11–1У. Репринт СПб., 1914 / В. Соловьев. – Брюссель, 1969.

Ставский, В. Доклад. Дискуссия о формализме / В. Ставский // Литературная газета. – 1936. – 15 марта.

Усиевич, Е. Разговор о герое / Е. Усиевич // Литературный критик. – 1938. – № 9–10. – С. 154–188.

Флоренский, П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П. Флоренский. – М., 1914.

Хрящева, Н. П. Функция «чужих» текстов в «Чевенгуре» Андрея Платонова / Н. П. Хрящева // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности VS. новые возможности : монография / отв. редактор Н. В. Ковтун. – М. : ФЛИНТА ; Наука, 2014. – С. 346–369.

References

Aleksandrov, V. (1937). Chastnaya zhizn' [Private Life]. In *Literaturnyi kritik*. No. 3, pp. 55–81.

Aleynikov, O. Yu. (2020). Pervyi vecher v Tsentral'nom dome literatorov, posvyashchennyy pamyati Andrey Platona [The First Night at the Central House of Writers Devoted to the Memory of Platonov]. In *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. No. 5.

Bakhtin, M. M. (2002). *Sobranie sochinenii: v 7 t. T. 6* [Collected Works, in 7 vols. Vol. 6]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, p. 429.

Florensky, P. (1914). *Stolp i utverzhdienie istiny. Opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [Pillars of Society and Finding the Truth]. Moscow.

Gasparov, B. M. (1993). *Literaturnye leytmotivy. Ocherki russkoi literatury XX veka* [Literary Leitmotives. Essays about Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura».

Gurvich, A. (1994). Andrey Platonov [Andrey Platonov]. In *Krasnaya nov'*. 1937. No. 10; po izdaniyu: Kornienko, N. V., Shubina, E. D. (Eds.). *Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov. Materialy k biografii*. Moscow, Sovremennyy pisatel', p. 384.

Gyunter, Kh. (2000). Lyubov'k dal'nemu i lyubov'k blizhnemu: Postutopicheskie rasskazy Platonova vtoroi poloviny 1930-kh gg. [Love to the Person Far Away and to the Neighbour: Post-utopian Short Stories of Platonov of the Second Half of the 1930s]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «*Strana filosofov*» Andrey Platona: *Problemy tvorchestva. Issue 4*. Moscow, IMLI RAN.

Ilyushin, B. (1937). Porochnaya filosofiya [Erroneous Philosophy]. In *Komsomol'skaya pravda*. September 17.

Khryashcheva, N. P. (2014). Funktsiya «chuzhikh» tekstov v «Chevengure» Andrey Platona [The Function of Other Writers' Texts in «Chevengur» by A. Platonov]. In Koptun, N. V. (Ed.). *Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti VS. novye vozmozhnosti*. Moscow, FLINTA, Nauka, pp. 346–369.

Kogut, K. S., Khryashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platona kontsa 1930-kh – nachala 1950-kh godov: mezhtekstovyy dialog* [Poetics of the Dramatic Works of A. Platonov of the late 1930s early 1950s: Intertextual Dialogue]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya.

Kornienko, N. V. (Ed.). (2009). *Arkhiv A. P. Platona. Kn. 1* [Platonov's Archive. Book 1]. Moscow, IMLI RAN.

Malygina, N. M. (1977). Ideino-esteticheskie iskaniya A. Platona v nachale 20-kh godov («Rasskaz o mnogikh interesnykh veshchakh») [Ideological-Esthetic Experiments of A. Platonov in the early 1920s (A story about many interesting things)]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 158–164; Malygina, N. M. (1994). «Rasskaz o mnogikh interesnykh veshchakh» v kontekste tvorchestva A. Platona [«A Story about Many Interesting Things» in the Context of the Work of A. Platonov]. In *Andrey Platonov. Mir tvorchestva*. Moscow, pp. 180–192.

Malygina, N. M. (1981). Estestvenno-nauchnye istochniki predstavlenii o prirode Andreya Platonova [Natural-Science Sources of Ideas about A. Platonov]. In *Chelovek i priroda v khudozhestvennoy proze: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar, pp. 49–64.

Malygina, N. M. (2005). *Andrey Platonov: poetika «vozvrashcheniya»* [Andrey Platonov: The Poetics of “Revisiting”]. Moscow, TEIS, pp. 70–94.

Platonov, A. (1937). *Reka Potudan’* [Potudan’River]. Moscow, Sovetskiy pisatel’. 170 p.

Platonov, A. (2004). *Sochineniya. T. 1. Kn. 1: Rasskazy. Stikhotvoreniya* [Short Stories. Poems] / ed. by N. V. Kornienko. Moscow, IMLI RAN.

Platonov, A. (2009). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 1: Usomnivshisya Makar* [Collected Works, in 8 vols. Vol. 1: The Doubting Makar]. Moscow, Vremya.

Platonov, A. (2010). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 4: Schastlivaya Moskva. Ocherki i rasskazy 1930-kh godov* [Collected Works, in 8 vols. Vol. 4: Happy Moscow. Essays and Short Stories of the 1930s]. Moscow, Vremya.

Platonov, A. (2011). *Sobranie sochinenii: v 8 t. T. 8: Fabrika literatury. Literaturnaya kritika, publitsistika* [Collected Works, in 8 vols. Vol. 8. Factory of Literature]. Moscow, Vremya.

Skobelev, V. (2003). «Voskreshayushchaya lyubov’ k smertnym» (ot «Fro» k «Reke Potudan’» i «Vozvrashcheniyu»: iz nablyudeniya nad poetikoi novelly) [Reviving Love to the Mortals]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» *Andrey Platonov: Problemy tvorchestva. Issue 5*. Moscow, IMLI RAN.

Solov’ev, V. (1969). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols.]. Bryussel’.

Stavsky, V. (1936). Doklad. Diskussiya o formalizme [A Report. Discussion about Formalism]. In *Literaturnaya gazeta*. March 15.

Svitel’sky, V. A. (1999). Iz besed i perepiski s rodstvennikami A. Platonova [From Talks and Letters to the Relatives of A. Platonov]. In *Filologicheskie zapiski*. Voronezh.

Usievich, E. (1938). Razgovor o geroe [A Talk about a Hero]. In *Literaturnyi kritik*. No. 9–10, pp. 154–188.

Vaksberg, A. (1999). *Gibel’ Burevestnika* [Death of a Stormbringer]. Moscow, Terra Sport.

Vanyukov, A. (2003). Sbornik rasskazov «Reka Potudan’» kak epicheskoe tseloe [A Collection of Short Stories “Potudan River” as Epic Whole]. In Kornienko, N. V. (Ed.). «Strana filosofov» *Andrey Platonov: Problemy tvorchestva. Issue 5*. Moscow, IMLI RAN, p. 572.

Данные об авторе

Малыгина Нина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: ninmal@yandex.ru.

Author’s information

Malygina Nina Mikhaylovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Leading Researcher at Institute of World Literature Russian Academy of Science (Moscow, Russia).